

показывает ряд чтений, отражающих восточнославянские языковые нормы: оболкъся (ср. церковнославянское (далее: *цс*) облъкъся); вѣжь (ср. *цс.* вѣждь К₁, О); досажение (ср. *цс.* досаждение К₁, О); одержит (ср. *цс.* одръжит); сквернаго (ср. *цс.* скврѣнаго); терпи (ср. *цс.* трѣпи); гороху (ср. *цс.* граху О). Такие восточнославянские формы, как «мыслью» (ср. *цс.* мыслию) и «братью» (ср. *цс.* братию К₁, К₂), могли бы отражать обрусевшее произношение Симона, давно жившего в северной Руси, но естественнее их приписать руке севернорусского писца списка Феодосиевской редакции. Среди самых типичных восточнославянизмов в нашем отрывке отмечаем «собѣ» (два раза; ср. *цс.* себѣ К₁, К₂) и «тобе» (три раза; ср. *цс.* тебе (тебѣ) К₁, К₂, О) — формы, типичные не только для всей Феодосиевской редакции, но также и для списка 1406 г. в целом. Отмечаем также восточнославянское окончание родительного падежа — «единой крупици» (ср. *цс.* единыя крупица К₁, К₂), хотя, как известно, это окончание не старое, но более позднего происхождения. Среди лексических явлений отметим замену слов «царство» и «боярин», читающихся в нашем тексте, типичными церковнославянскими «царствие» и «болярин» в К₁, К₂ и О. О слове «боляринъ» Ф. Миклошич пишет «russis saepissime»,¹² а И. И. Срезневский отмечает: «Выговор этого слова с л есть южнославянский, употреблявшийся на Руси в списках нерусских произведений и в слоге высоком».¹³

Поскольку язык всего патерика Феодосиевской редакции обнаруживает эту восточнославянскую тенденцию и поскольку язык Арсениевской редакции в списке 1406 г. выявляет те же стилистические черты, естественно приписать эти особенности языка и стиля какому-то старшему виду Киево-Печерского патерика, тем более что Феодосиевская редакция не происходит от Арсениевской редакции, но представляет собой самостоятельную текстологическую линию.¹⁴ Немыслимо было бы приписать эту тенденцию редактору, работавшему в конце XIV в. или в самом начале XV в. (до 1406 г.). Это был бы уникальный пример, когда редактор, в кульминационный период второго южнославянского влияния систематически перерабатывал бы целое произведение (притом агиографического характера), заменяя церковнославянские формы восточнославянскими. В связи с тем что, насколько нам известно, над патериком не было никакой редакторской работы между второй половиной XIII и первой половиной XIV в., мы вынуждены полагать, что язык нашего отрывка с его восточнославянскими особенностями отражает язык, близкий к протографу Симона, писавшего в первой трети XIII в., незадолго до татарского нашествия.¹⁵

В пользу тезиса, что восточнославянский слой языка нашего отрывка (и Феодосиевской и Арсениевской редакций вообще) принадлежит к первой трети XIII в., свидетельствует общий архаический тип его языка, сохраняющего устарелые слова и обороты, которые, как восточнославянизмы,

¹² Fr. Miklosich. *Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum*. Vindobonae, 1862, стр. 40.

¹³ Срезневский. *Материалы*, т. I, столб. 160.

¹⁴ Феодосиевская редакция включает много пассажей, не встречающихся в Арсениевской редакции, которая, как известно, представляет собой значительное сокращение произведений Симона и Поликарпа, принадлежащих составу патерика. Феодосиевская редакция, как уже говорилось, происходит, очевидно, от редакции начала XV в. между 1406 и 1425 гг.

¹⁵ Вопрос, до какой степени эти восточнославянизмы являются результатом плохого владения церковнославянским языком (знание которого вообще стояло на сравнительно низком уровне уже в XIII в.) или результатом влияния устных источников, стоит вне области настоящей статьи.